

МИХАИЛ
МАЗЕЛЬ

ДВА СЛОВА ОБ
ОЧЕВИДИНОМ
ИНДИВИДУМ

Михаил Мазель

Два слова об очевидном

«Издательские решения»

2015

Мазель М.

Два слова об очевидном / М. Мазель — «Издательские решения»,
2015

Поэтический сборник «Два слова об очевидном» (2007 год) приурочен к 40-летию автора и к 20-летию его творческой деятельности. Автор отобрал стихотворения, отвечающие темам романтизма, преданности мечтам и идеалам юности, постоянного поиска, противостояния собственному взрослению, при этом все-таки – взрослению. Эта книга, прежде всего, о творчестве. Эта книга о наивности и чистоте, юношеском максимализме и мудрости. О противостоянии и единении романтизма и цинизма. И, конечно же, о любви.

© Мазель М., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие	6
Чепуховое	7
Признание	8
Сюжет	9
Предчувствие строки	10
Дежа вю	11
Джинн – дурилка	13
К читателю	14
Тем, кто...	15
Быть проще	16
Слова на бумаге	17
Andante sostenuto	19
Амплуа	20
Немой ангел	21
Дон-Кихоты	23
Распахнутые шторы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Два слова об очевидном

Михаил Мазель

© Михаил Мазель, 2015

© Михаил Мазель, дизайн обложки, 2015

© Михаил Мазель, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

© Михаил Мазель, текст, 1991 – 2007

© Михаил Мазель, фотографии, 2002 – 2006

© Михаил Мазель, оформление, 2007

Предисловие

*В день моего сорокалетия.
Всем, кого люблю...*

**ПАМЯТКА
романтику,
пытающемуся
не превратиться
в циника**

Дорогие друзья! Перед Вами – моя новая книга. Внеочередная, незапланированная, долгожданная книга.

Так получилось, что на сегодняшний день из шести написанных поэтических сборников, я смог издать только два. Но прежде, чем попытаться исправить данное положение, мне очень захотелось начать параллельную линейку книг. Хотя я почти не издавался, все эти годы я организовывал новые стихи (по мере их написания) в сборники. Так или иначе, все они собраны по хронологическому объединяющему принципу «за несколько лет», (хотя и имеют сложную структуру).

«Два слова об очевидном» включает в себя стихи, написанные с 1991-го года и входящие во все шесть «этапных подборок». Я отбирал их в строгом соответствии... Но о «стержне», объединяющем эту книгу, чуть позже.

2007-й год для меня наполнен событиями. Помимо того, что это год моего сорокалетия, это ещё и год двадцатилетия моей литературной деятельности, год десятилетия моих занятий фотографией и интернет-созидания. Ещё это год десятилетия переезда в США, (без которого не было бы многого из того, чем я пытаюсь радовать вас). И именно из-за такой насыщенности года событиями мне захотелось издать «подарочное» издание: книжку избранного.

Избранного не по принципу – лучшее, а по принципу – сокровенное. Хотя, на самом деле, это всего лишь толика, малая часть, «одно из...»

В этом небольшом сборнике я попытался объединить стихотворения, отвечающие темам романтизма, преданности мечтам и идеалам юности, постоянного поиска, противостояния собственному взрослению, при этом, все-таки, – взрослению.

Эта книга, прежде всего, о творчестве. Эта книга о наивности и чистоте, юношеском максимализме и мудрости. О противостоянии и единении романтизма и цинизма. И, конечно же, о любви.

Задумав издать эту книгу накануне собственного сорокалетия, я пришел к выводу, что сорок стихотворений – оптимальное количество для небольшого тематического сборника. Но сборник получился больше. Я не смог вместиться в «юбилейное число».

Конечно, я отобрал далеко не все стихи, отвечающие упомянутым выше темам. Конечно, мне было очень трудно отбирать не всё, что соответствует им, ограничивать себя. Но пусть будет так. Возможно, я буду пытаться повторять подобные «тематические» подборки. Тогда у меня останется из чего выбирать, повторяясь по минимуму.

Всего вам самого светлого. Любви и удачи.

Миша Мазель

Джерси Сити. 7 апреля 2007-го года

Для контактов с автором: <http://www.mikhailmazel.ru>

Признание

А есть ли этот мир? Возможно, что и нет.
Возможно, это всё игра воображенья.
Но был ведь тот маршрут, и продан был билет.
И слышен стук колёс. И лес пришёл в движенье.

Так что же вновь внутри так колет и болит?
И почему тогда застряли где-то слёзы?
Очередной закат за окнами парит,
и Грей, очередной, нахмурил брови грозно.

Так стоит ли любить? И стоит ли мечтать?
Зачем они нужны – обманчивые сказки?
Чему не миновать, того не начертать...
Они не подсобят сказать тихонько: «Здравствуй».

Так значит: стук колёс, и месяц в проводах,
и глупый вздох в кулак как символ осознанья?..

Вновь тот же юный шут ответ предугадал
и снова он строчит, забыв про всё, признанья.

Сюжет

Не надо делать сказку плоской.
Не надо делать сочной жизнь.
Не зебра, и не путь в полоску,
и не сплошные типажи...
Так что?.. Любовь?.. Метаморфозы?..
Законы?.. Исключенья?.. Блажь?..
Не ты ль застыл тут в странной позе?
Узнал?
Теперь ищи багаж.

Как ветер в поле – джинн в стакане.
Как песня – в банке стёк закат.
Опять чудные великаны
дают ходули напрокат.
Спешат навстречу человеки,
не думая про чудеса.
Веками точат русла реки...
Зачем сейчас усы кусать?

Возможно, что я в ус не дую,
да и совсем не великан,
но завтра спичку не задую
и дам обжечься я рукам.
И пусть пока не вышли строки,
и красок нужных снова нет,
но всходит солнце на востоке
и приближается сюжет.

Предчувствие строки

Оле Шишкиной

Мелодия стиха рождается во мне
ударами земли по кованым подошвам:
и теплится любовь, и копится на дне,
и с криком петуха она не станет прошлым.

Она опять растёт незримо, как рассвет,
вернувшись как всегда, когда раздумья жалят.
Она уже живёт в проснувшейся листве.
Она опять со мной: моя, а не чужая.

И я, поверив вновь, шагаю налегке,
не зная, кто она, но позабыв печали.
И на вопросы: «Где?» Твержу: «Невдалеке...»
и встречные стихи улыбкою встречаю.

Мелодия любви рождается во мне,
волною пробежав по телу прямо к пальцам.
И если я собой доволен не вполне,
то не в связи с судьбой бродяги и скитальца.

Предчувствие живёт в груди тугой строкой.
Её не растянуть верёвкой дороги.
Я всё готов связать с мелодией такой...
Осталось подождать уже совсем немного.

Дежа вю

Мне показалось вновь, что я – поэт...
Такое, право, умопомраченье
не объяснить влиянием планет,
не выдать за простое заблужденье.

Я снова неприкаянный брожу,
не понимая, в чём сего причина,
считая, что в движенье привожу,
вращаю что-то,.. право, дурачина.

Я снова вынимаю карандаш
и изучаю взглядом тонкий грифель,
и молча предлагаю: дашь на дашь...
Ему – бумагу. Мне – моря и рифы.

Он соглашается, и я иду вперёд:
чтоб выйти к морю надо сдвинуть горы,
смешать в одно траву, песок и лёд,
разрушить... и построить новый город.

А за морем?.. Так, право, ерунда:
найти любовь, мечту, надежду, веру
и выпустить на волю... Но, когда...
Я с этой *клиникой*, как будто бы не первый.

Я снова возомнил, что я – поэт...
(давно изученный в психиатрии случай).
Диагноз – дежа вю. Советов – нет.
Прогноз один: увы, – не будет лучше.

Бреду по городу, сжимая карандаш,
(пусть психиатры косятся молча в спину).
Бреду вперёд без всяких «дашь на дашь».
Всё, как обычно: тень вдруг стала длинной.

Джинн – дурилка

Слова имеют цвет. Слова имеют вкус.
И в силу слова верю я – дурилка.
И в каждом из стихов, едва его коснусь,
я выпускаю джинна из бутылки.
Он смотрит на меня и спрашивает вновь:
«Разрушить город или же построить?»
А я смеюсь в ответ: «Да нет, дари любовь!
А с нею люди сами всё устроят.»

Слова имеют соль. Слова имеют слой,
как и земля, что топчется веками.
И я брожу по ней, не добрый и не злой,
и облака толкаю я руками.
И вот в чём парадокс: не знаю, почему
я часто без причины улыбаюсь.
Но я – не идиот: добра величину
я, преумножив, в джинна превращаюсь.

И силу всю свою я вкладываю в звук
и жду, когда ж меня на волю кликнут.
Касанием не рук, а глаз: и тех не вдруг...
Слова произнесут – и я тотчас возникну.
И вот я, вот он весь, ваш слушаю вопрос:
«Разрушишь город или же построишь?»
И я смеюсь в ответ: «Увы, я не дорос.
Я лишь любви пока умею вторить.»

К читателю

По капле вырываю из души
частички доброты, надежды, веры.
Вы говорите, будто бы я щедрый
и строчки мои снова хороши?

Хочу я верить. Слушать – не хочу.
Порой слова губительно опасны.
Я знаю, вы честны и беспристрастны...
Всё не напрасно?.. Лучше промолчу.

Конечно, мне приятно это знать,
и, если честно, хочется поверить.
Но я боюсь гордыню не умерить.
Мне проще засидеться допоздна.

Возможно, я банальности несу.
Возможно... Жизнь сама порой банальна.
Лишь свет один уходит радиально
(пускай сейчас и полночь на носу).

Лишь только б доверять карандашу...
(Свет тоже состоит порой из капель).
Прости, читатель, я совсем не спятил.
Пусть и опять банальности пишу.

Быть проще

Я использую рифмы простые.
Я записан в плохие поэты.
Гордость или, вернее, гордыня
иногда возмущаются этим.

Ведь простые – не значит плохие.
Есть душа и присутствуют мысли.
Боль и радость слагаю в стихи я,
в образ некий, что временем смылся.

Существую я с кредо «Будь проще».
А стихи – часть его отраженья.
Гениальность поэту не прочат.
Гениальность – она от рожденья.

Простота – воровства много хуже.
Но не будем две истины путать.
Простота – украшение дружбы,
путь кратчайший меж сердцем и сутью.

Слова на бумаге

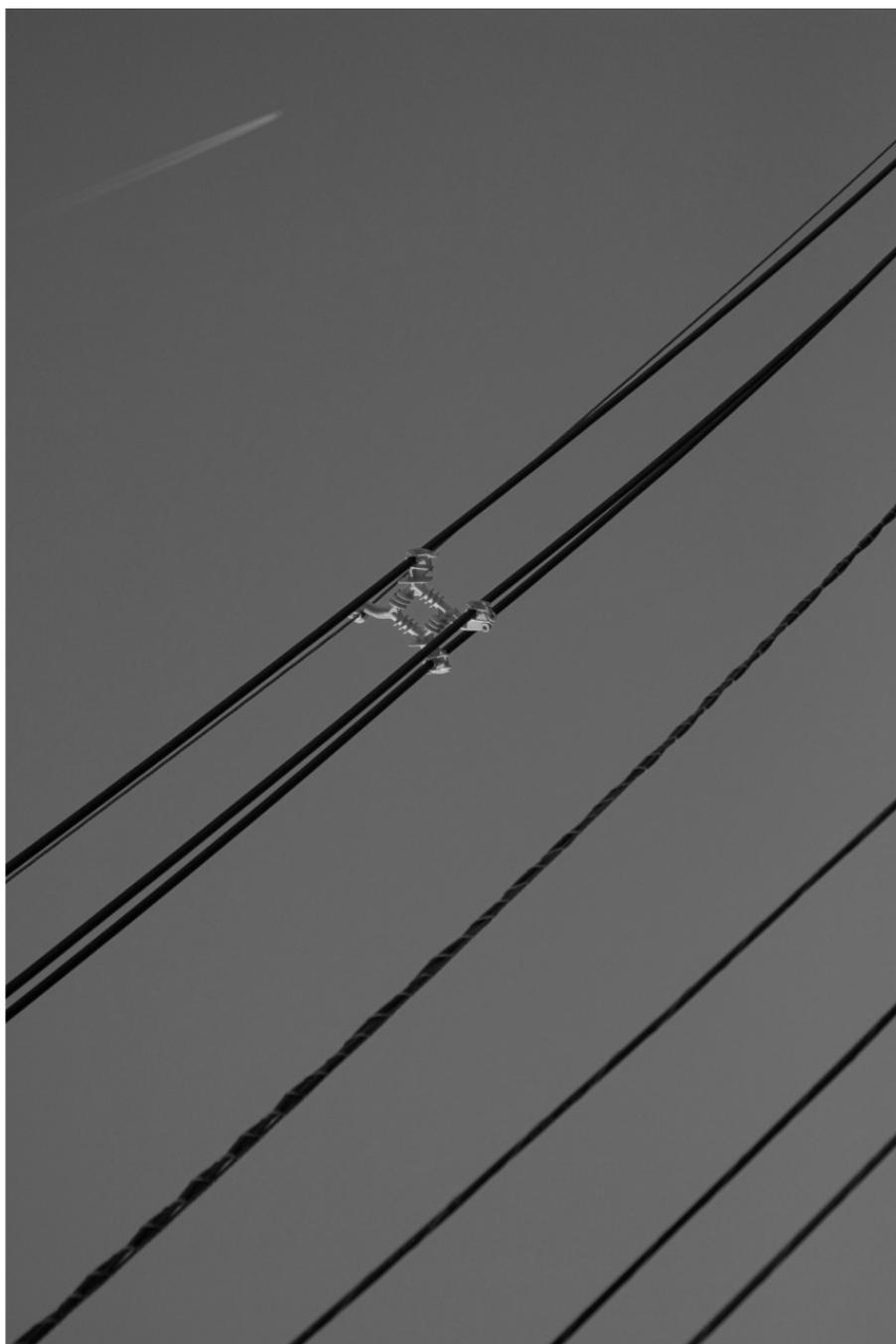
...А. Макаревичу

Кто мне скажет, откуда берутся
в нашей жизни слова в те моменты,
что печалью и грустью зовутся?..
Кто потом расставляет акценты?
Строчки рвутся из сердца беззвучно.
Чаще – просто лежат на бумаге.
Ждут их те, кто был нами приручен...
Шепчут,.. бредя, незримые маги.

Эти маги являются снами.
В темноте мы дыханье их слышим.
И проходят мгновенья часами,
иногда торжеством наивысшим.
Утром чувства вновь прячутся в сердце
в пожеланьях добра адресатам.
Но закрыты незримые дверцы.
И опять мы сродни арестантам.

И опять впереди две дороги.
И опять нам стоять на распутье.
У игры всегда правила строги.
У решеток, как правило, прутья.
И приходится снова бороться
и решать: «Ну, а что тебе надо?»
А в груди сердце глупое бьется
в ожидании нежного взгляда.

Ночь проходит незримо, неслышно
разливается кляксой из фляги.
И опять торжеством наивысшим
застывают слова на бумаге.

Andante sostenuto

Когда-то мне казалось: поэты – полубоги.
Andante sostenuto. Как избежать тоски?
Я делаюсь придатком мной выбранного блага,
немного бородатым, сжимающим виски.

Узлами завязались, как бантами, детали
(не всё, что было раньше,
размылось как фантом).
И уваженье к слову вконец не уболтали
поэты незнакомые... Я, в целом, не о том.

Andante sostenuto. Вдох – выдох. Не поверю!
Ведь, правда, не напрасны скрещения дорог?
Ах, Фредерик! Ах, Вольфганг! Я не хочу резвее.
Я не хочу сегодня. Мне грустно. Я продрог.

Когда-то мне казалось: поэты – полубоги.
Allegro – Largo – Presto. Я драть не стану бровь.
Я не найду отгадки. Я не взорву берлоги.
Но пусть сомненьем скрипок
вскипает снова кровь.

Возможно, я не верю, как раньше, поминутно,
но все-таки терзаю, прислушиваясь, прядь.
В наушниках стихает andante sostenuto
и буквы опадают, как ангелы, в кровать.

Амплуа

Тонкие линии струям подобны дождя.
Шрамы – не шрамы. Стекло – не стекло.
Всё прозрачно.
Ангел ли плачет,.. не скажешь ты, даже, взойдя.
Даже войдя... если выйдет. Так смысл утрачен?

Ты говорила мне что-то о крыльях? Прости...
Я не забыл. Я не знаю, откуда те строки.
Я не пытаюсь. Те линии вовсе не стиль.
Я не пытаюсь быть мудрым,
бесстрастным, жестоким.

Жёсткость совсем не моё в этом всём амплуа.
Смоет брикеты страданий не слёз паутина.
Я не про лето. Летать... Неплохой ритуал.
Тонкие линии могут *сойтись* в картину

Нечто подобное видел я в завтрашнем сне.
Тают следы на полоске, впитавшей слёзы.
Ты говорила о крыльях?.. Я всё о весне...
Волны уходят обратно. И всё же не поздно.

Немой ангел

Ангел над городом плыл незаметно.
Ангел садился на шпили и крыши.
И с изумленьем смотрел на кометы,
тихо мечтая подняться повыше.

И огорчаясь, глаза опуская,
ангел следил за людьми на бульварах.
Воздух движеньями плавно лаская,
ангел спускался к потерянным парам.

Он находил в темноте переулков
тех, кто пытался сбежать от печали.
Сердце стучало тревожно и гулко.
Он проносился крылами качая.

Как он хотел, опустившись пониже,
чем-то помочь одиноким и сирым.
Плавно кружился он ближе и ближе,
не осуждая строение Мира.

И вдохновлённые этим сниженьем,
люди ловили губами снежинки.
Ангел же чувствовал странное жженье
не понимая такие ужимки.

Ангелу виделся звук поцелуя
или хотя бы подобье улыбки.
Белым по черному быстро малюя,
тщетно свои продолжал он попытки.

Ангел метался. Снег падал и падал.
Люди быстрее по домам разбегались.
Ангел гадал: «Что же им ещё надо?..»
мысленно новые строки слагая.

Ангел хотел прошептать их на вдохе
всем, кто ещё не нашёл себе пару,
всем, кому было воистину плохо...
Ангел хотел... Снег всё падал и падал.

Строки слагались волшебю земные.
Сколько сердец он бы ими наполнил...
Только немым ангел был... И невидим
вверх поднялся,

словно что-то вдруг вспомнил.

Ангел кружил изнывая от боли.
Снег становился всё гуще и гуще.
Ангел не видел, как медленно двое
шли улыбаясь в панельные кущи.

Ангел не слышал потом поцелуя:
он укрывал одеялом деревья...
Юноша девушке, будто гарцуя,
тихо шептал его строчки под дверью.

Дон-Кихоты

...детскому толкованию образа

Мчатся Дон-Кихоты в тишине
по Земле, ночным дождем умытой.
Звёзды выжгли дыры на плаще.
Росинанты сбили все копыта.

Будоражат сытый наш покой.
Навевают странные нам страхи.
Ну зачем я нужен вам такой?
Я не буду рвать своей рубахи.

Днём и ночью только старый таз
от дождя и холода им крыша.
Им в лицо смеялись, и не раз,
но они насмешников не слышат.

Им порою просто невдомёк,
то, что зла на много жизней хватит,
что погаснуть может уголёк
и свои они без меры тратят.

Мир большой, как выйдут на крыльцо,
их опять встречает только пылью:
то ли ветер бросил им в лицо,
то ли великанов-мельниц крылья.

* * *

Может завтра он придёт ко мне
и лишит и дома, и покоя.
И поддавшись, будто бы во сне,
таз надену дрогнувшей рукою.

Распахнутые шторы

...Это стихотворение родилось и записано по дороге на концерт Александра Городницкого в автобусе маршрута номер 5 в Нью-Йорке на 5-й авеню.

Строка набежала на строки,
как волны на борт корабля.
Когда бы в том не было проку,
тогда б не вращалась Земля.
Не падали б полночью звёзды,
не билась в тревоге струна...
Родная, ещё ведь не поздно.
Тревога – не наша вина.

Волна набежала на берег.
Мы слышим опять голоса.
И значит, что снова мы верим.
Последнее дело – бросать.
Следы заполняет водою
опять нас догнавший рассвет
и шепчет: «Ребята, вас двое.
Вам выпал счастливый билет.»

Билет?.. Это значит дорога.
Дорога – ветров новизна.
Пусть песен сегодня не много,
но те, что поются, – из сна.
Из синих бездонных просторов.
Из тёплых московских берлог.
Нам снова распахнуты шторы
и кем-то приподнят полог.

И вид, что откроется скоро,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.